

УДК 391/393 (571.54)

Современная погребальная обрядность у предбайкальских бурят

С.Г. Жамбалова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, ул. Сахьяновой 6, Улан-Удэ, Республика Бурятия
zhambalovas@yandex.ru

Статья поступила 15.04.2016, принята 20.06.2016

В статье на документальных материалах рассматривается погребальная обрядность как традиционный ритуал бурят и одна из важнейших ритуальных церемоний жизненного цикла человека. Описывая характерные особенности погребального обряда у бурят, проживающих в Иркутской области и Республике Бурятия, автор делает вывод о современном развитии общинно-родовых отношений на основе общей культурной памяти этноса. В исследовании впервые вводятся в научный оборот полевые материалы современных бурятских этнологов.

Ключевые слова: предбайкальские буряты, постсоветское время, погребальная обрядность, кремация, ритуал.

Funeral ceremonial tradition of the Cisbaikalia Buryat people

S.G. Zhambalova

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences; 6, Sakhyanova St., Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia
zhambalovas@yandex.ru

Received 15.04.2016, accepted 20.06.2016

On the basis of the documents, the article deals with a funeral ceremonial tradition as a ritual of the Buryat people and one of the most important ritual ceremonies of a person's lifestyle. By describing distinctive features of a funeral ceremonial tradition of the Buryats, living in Irkutsk oblast and the Republic of Buryatia, the author concludes that the modern development of community and genetic relations are based on the whole cultural ethnic memory. Field materials of modern Buryat ethnologists have been introduced as a scientific source for the first time ever.

Keywords: Predbaikal Buryats, the post-Soviet era, burial rites, cremation ritual.

Основное содержание исследования составляют анализ и обобщение опубликованных ранее полевых материалов нескольких бурятских этнологов. Данные материалы впервые вводятся в научный оборот, и эта своеобразная верификация, несомненно, повышает степень достоверности результатов предпринятой работы.

Мною, автором статьи, предпринято несколько самостоятельных экспедиций в Иркутскую область для сбора этнографических материалов. В Улан-Удэ был записан

устный рассказ этнолога С.Б. Болхосоева. А.С. Суворова предоставила материалы, собранные под моим руководством у кабанских бурят, проживающих как на восточном побережье Байкала, в Республике Бурятия (РБ), так и в Кижингинском районе РБ, куда они переселены после природного катаклизма на Байкале.

Кабанских бурят традиционно относят к предбайкальской группе. При их идентификации использованы сведения из электронной публикации М.В. Хандагуровой,

собранные в 1995–2003 гг. в Эхирит-Булагатском и Баяндаевском районах Усть-Ордынского Бурятского автономного округа Иркутской области. Введение некоторых этих данных в более широкий научный оборот на бумажном носителе, на мой взгляд, вполне допустимо и объективно правильно. Материалы используются в качестве источников и интерпретируются с новых позиций, умножающих их значимость.

Процесс возрождения погребальной обрядности бурят обусловлен этническим ренессансом, развивающимся во всем мире со второй половины XX в. как противодействие глобализации. Это привело к смене ценностных ориентаций и росту престижа этничности [1, с. 123]. С созданием Российской Федерации, страны с новым политическим строем, возрождение получает развитие и здесь. Сохранившиеся в народной среде традиции и обычаи приобретают более открытый характер, идут процессы возрождения традиционного религиозного сознания, создаются новые правовые отношения между религиозными институтами и государством [2, с. 5].

Возрождение некоторых традиций погребальной обрядности народов РФ, в т. ч. традиционных типов погребения, обосновано федеральным законом «О погребении и похоронном деле» [3]. Он регулирует отношения, связанные с погребением умерших, и устанавливает:

1) гарантии погребения умершего с учетом волеизъявления, выраженного лицом при жизни, и пожеланий родственников;

2) гарантии предоставления материальной и иной помощи для погребения умершего;

3) санитарные и экологические требования к выбору и содержанию мест погребения;

4) основы организации похоронного дела в РФ как самостоятельного вида деятельности [4]. Значимой для нас является ст. 3 «Погребение», которая узаконивает возможность «обрядовых действий по захоронению тела (останков) человека после его смерти в соответствии с обычаями и традициями, не противоречащими санитарным и иным требованиям. Погребение может осуществляться путем предания тела (останков) умершего земле (захоронение в мо-

гилу, склеп), огню (кремация с последующим захоронением урны с прахом), воде (захоронение в воду в порядке, определенном нормативными правовыми актами Российской Федерации)» [4].

Ст. 19 «Вероисповедальные кладбища» гласит: «1. Вероисповедальные кладбища предназначены для погребения умерших одной веры. Вероисповедальные кладбища могут находиться в ведении органов местного самоуправления. 2. Порядок деятельности вероисповедальных кладбищ определяется органами местного самоуправления по согласованию с соответствующими религиозными объединениями. Деятельность вероисповедальных кладбищ на территориях сельских поселений может осуществляться гражданами самостоятельно» [4].

Таким образом, закон РФ гарантирует гражданину страны достойное отношение к его телу после смерти в соответствии с его волеизъявлением. Погребальные обряды должны осуществляться в пределах этических, санитарных и экологических требований к выбору и содержанию мест погребения.

Полевые материалы, записанные в Улан-Удэ у этнолога Станислава Борисовича Болхосоева, 1971 г. р., буряты из племени булагат, рода *отонхой*, родившегося в с. Олой Эхирит-Булагатского района Иркутской области, позволяют создать некий стандарт современной погребальной обрядности предбайкальских бурят, который в дальнейшем будет значительно дополнен полевыми и литературными материалами по другим регионам их проживания. Это запись ритуала, практикуемого в селах, расположенных на границе расселения бурят булагатских и эхиритских племен.

Для создания целостной картины рассказ представлен в оригинальном виде: «Хоронят на третий день со дня смерти. День смерти считается первым днем независимо от времени упокоения. Например, фактические календарные двое суток будут считаться тремя днями. Но бывают случаи, когда, например, утонувшего или убитого человека находят не сразу, в таких случаях нередко невозможно определить точное время смерти. Согласно традиции в день похорон таких людей делают поминки третьего дня. То есть существует некий сакральный отсчет време-

ни: день похорон — это всегда третий день, независимо от календарных фактических данных. Вынос тела производят до обеда. Умершего человека подготавливают к последней дороге. Одевают по сезону, укладывают в гроб, который ставят в доме, в большой комнате, ногами к двери. У гроба покойника близкие родственники, члены семьи проводят своеобразное бдение, намеренное воздержание от сна во время важнейших событий семейной жизни. Во время бдения люди понемногу пьют водку, чай, покапав водкой, чаем от себя на пол или в тазик, ведут разговоры о покойнике, вспоминают его. Если человек курил, то кладут пачку сигарет. Присутствующие курят из этой пачки. Покойника не оставляют одного. В настоящее время многих кремируют в лесу, на природе, под открытым небом. Других хоронят в земле. Выбор типа погребения зависит от рода, к которому принадлежит умерший, от его социального положения, возраста, пола. Обычно кремируют людей старше 50 лет. В соседнем селе Баяндай, например, за очень редким исключением, практически всех кремируют. Некоторых они, не зная почему, хоронят обычным способом, в земле. В нашем селе кремирование было до 1980 г., изредка очень старых людей кремировали в 1990-е гг., а после стали хоронить по русским обычаям: гроб, кладбище, могила. Кладбище обычно неогороженное, а могилы в оградках. В советское время на могиле ставили небольшие памятники с навершием из пятиконечной звезды. В постсоветское время кремация не возродилась. А вот в Баяндаевском районе, кажется, многих до сих пор кремируют. По крайней мере, я присутствовал на таких похоронах, о которых расскажу сейчас.

Каждый приносит водку, обычно приходит один человек от семьи — от семьи одна поллитровая бутылка. У гроба, у головы покойника постоянно, сменяя друг друга, должен сидеть специальный человек, взрослый мужчина. Он следит за процессом поминовения покойника путем капанья водки, помогает людям, обычно женщинам, открывать бутылки. Мужчины чаще открывают ее сами. «Первинку» водки капают движением руки от себя на пол, а теперь нередко в подставленный тазик. Из тазика водку потом

просто выливают во дворе. Мужчины сменяют друг друга. У головы покойного постоянно сидит кто-то из взрослых мужчин.

В гроб по обе стороны головы покойного укладывают две сумочки (*хапчиг*, *хабишиг*) типа кисета (*хундэн*), они сшиты из остатков простыней, которые стелят в гробу. Один мешочек наполнен продуктами питания — вареным мясом, едой, в другом — личные принадлежности человека, например, трубка, табак, спички. Одежда на покойном по сезону, зимой — зимняя, летом — летняя.

Кремируют в том же месте, где упокоены предки, в одном месте с подземным погребением. Там всегда есть одно сухое ветхое дерево (*умхирьэн*), готовое. Его валят, пилят. Помост делают, под помост из дома привозят полтелеги дров. На помост устанавливают гроб. Раньше это был просто ящик (*хурцог*, *хайрсаг*) с крышкой сверху. Сейчас это покупной гроб. Было время, когда гроб дома делали. Потом прощаются. Огонь разжигают. Туда, на кладбище, привозят три бутылки водки, не больше. Три бутылки максимально. Открывают бутылки, достают готовые закуски, кисель, блины, мясо, колбасу, то есть все, что человек ел при жизни, что любил есть. Огню подают первинки от каждой еды. Есть старший распорядитель, который наливает всем. Покойник в это время лежит на помосте. Водку допивают, все оставшееся от трапезы оставляют там. Говорят последние речи, закрывают гроб, забивают его. Гроб закидывают, заваливают привезенными из дома поленьями (*обоолгоно*, *обоолод хаяна*). Для помоста сваливают всего одно дерево. Символически душа поднимается вверх по дереву. Пожаров не было, не бывает. Зажгли — и ушли. Через три дня приезжают, ничего не убирают. Пепел, если полностью не сгорел, — плохая примета, но ничего не делают специально. Женщин сейчас тоже кремируют.

Дома — поминки. После похорон нельзя никуда заворачивать, например к знакомым, прямо домой надо идти. Вдруг притащишь кого-то к людям. После похорон нельзя заходить к кому-либо. Если в трауре (*харада бэгад*), идите домой. За руку в эти дни нельзя здороваться. Если на кладбище поехали одной дорогой, той же возвращаются. Стараются объезжать селения сторо-

ной. Если маленький улус, стараются проехать по краю. И в большом селе тоже движутся по окраине.

Про всяких *бохолдоев* хорошо знают осинские буряты. Это всякие утопленники, обиженные. За Баяндаем у них есть ловцы душ. У нас *боодогэй* — привидение, душа умершего».

Как видно, рассказ С.Б. Болхосоева демонстрирует основные действия погребального обряда. О сохранении в нем архаичных черт свидетельствуют факты наличия двух мешочков с сопроводительным инвентарем покойного. В архивных материалах Б.Б. Бамбаева есть интересный материал, который отчетливо выявляет истинное назначение даров, складываемых в мешочки. Унгинские буряты в конце XIX в. привешивали к верхней одежде покойного белый мешочек *hezgei*, куда складывали деньги, платки, водку, мясо и т. д. для угощения покойника, а главное, для передачи своим усопшим родственникам [5]. Этот обычай передачи «посылки» в мир иной, как видно, сохраняется до начала XXI в. и связан с традиционными представлениями бурят-шаманистов, когда погребение является только началом пути в загробный мир. Теоретическую основу представленным сведениям мы находим у А.К. Байбурина, который на основании славянских материалов выявил: «Дальнейший путь покойника (от могилы до того света) мыслится не столько как окончательная смерть, сколько как переход в иное бытие, в новое состояние, позволяющее не просто поддерживать связи с близкими ему живыми людьми, но и покровительствовать им. <...> Концептуальный путь покойника, точнее финальная часть пути, означает его переход в новый статус предка» [6, с. 116-117].

Информацию С.Б. Болхосоева, которая описывает кремацию, мы дополняем полевыми материалами А.С. Суворовой об ингумации, собранными у кабанских бурят. Здесь же есть материалы из Боханского и Осинского районов Иркутской области. Кабанские буряты стараются хоронить людей в новой, не ношеной одежде [7] (как известно, это принято у многих народов, в т. ч. у бурят), а если нет таковой, то в выстиранной одежде. А.К. Байбурин объясняет переодевание покойного в новую одежду следующим образом: «Новое состояние закрепляет

ся его переодеванием в одежду мертвых. Покойника облачали в новую, не ношеную одежду, не соприкасающуюся с живым телом» [6, с. 109]. Это еще один важный распространенный у многих народов этап перевода человека в мертвые в социальном плане. Однако у бурят, вероятно, такое понимание утеряно. Они интерпретируют это в основном желанием прилично выглядеть на том свете. С советского времени до наших дней мужчин хоронят в европейских костюмах. Более молодых одевают в соответствии с сезоном года. Летом женщин одевают в платья, мужчин — в рубашки с длинным рукавом. Пожилых одевают потеплее, независимо от времени года в демисезонную одежду, полагая, что в силу возраста они постоянно мерзнут. Многие пожилые или тяжелобольные заранее готовят посмертную одежду [8]. Таких примеров много. Информанты утверждают, что покойных нельзя отправлять в мир иной без головного убора, поэтому обычно надевают матерчатую шапку, например, кепку либо платок — в шапках из звериных шкур не хоронят [9].

Кабанские, да и все предбайкальские буряты заменяют золотые и серебряные украшения покойного дешевыми подделками. До недавнего времени снимали золотые зубы и коронки. Информанты из разных районов Иркутской области и Кабанского района РБ приводят разные причины такого обычая. Одни исходят из соображений, что ценные украшения должны передаваться по наследству [10]. Другие считают, что из-за драгоценностей могилы могут оскверниться ограблением [11], третьи — что золото и серебро тяжелы для тела и души ушедшего (*бэедэ хундэ*) [12]. Покойному в гроб кладут мешочки с мясом забитой в день погребения овцы, сладости, а также вещи, связанные с профессией усопшего, ручку, тетрадь и т. д. [13]. Вещи в гроб кладут самые пожилые женщины рода [14].

В течение трех дней и ночей рядом с покойником находятся родственники, разговаривают с ним. Считается, что в эти дни он видит и слышит все, что происходит вокруг [15]. Прощание продолжается все три дня, приезжают родственники, заходят соседи, друзья, многие из них приносят водку — своеобразную материальную помощь семье [16]. Бутылку водки отдают старшему, сидя-

щему у изголовья гроба. Он распечатывает ее и возвращает принесшему, тот наливает ее в стакан и рукой с обратной стороны отливает в сковороду, стоящую на полу, как бы в землю, в подземный мир, покойнику. Отливая водку, он обращается к покойному примерно с такими словами: «Вот пришел к тебе попрощаться. Услышал недавно, что с тобой случилось. Теперь ты не можешь кушать со стола, теперь ты не можешь пить с помощью рук, теперь не будешь пить с земли. Ты ушел, отдыхай и не возвращайся» (*Би шамда ерээб. Ши иигэшөөд байнаш. Ши гараараа эдехэээ болибош, газарнаа ууха болибош. Арлин хойноо, арляад, хөөргөө бу ерээрээш*). Затем он наливает в стакан немного водки и подает старшему по возрасту, тот немного отпивает и возвращает принесшему, чтобы тот разлил остальным присутствующим. Оставшуюся в бутылке водку сливают в общий бак, а в день погребения переливают в бутылки и ставят на поминки [17]. Вообще, многие информанты негативно относятся к традиции употребления спиртных напитков на обрядах поминовения, хотя на поминках редко кто доходит до полного опьянения [18].

Этот, на первый взгляд, незатейливый полевой материал, содержит важные этнографические сведения. Налицо ритуальное использование в погребальной церемонии молочной пищи, которая здесь представлена водкой из магазина как аналогом молочной водки домашней выгонки. Также важно сохранение порядка ритуального распития алкоголя (*духарьян*), способ брызганья не вверх, в небо, а вниз, в землю, движением от себя. Ясно показывается стремление социума удалить покойника, которому «внушается» мысль о том, что он умер, и ему нужно покинуть этот мир навсегда.

Гроб заколачивают гвоздями по четырем углам, выносят примерно в два часа дня. Перед выносом тело окуривают богородской травой, чтобы душа усопшего чистой ушла в иной мир [19]. После выноса одна из пожилых женщин из рода покойного подметает полы, очищает жилое пространство от присутствия мертвого. На кладбище разжигают костер, мужчины капают в огонь чай и водку, подносят пищу огню. Прощаясь, дотрагиваются до руки покойника. После траурной речи наливает по рюмке, чтобы

помянуть усопшего [20]. Затем устанавливают памятник, оградку, и участники погребального процесса обходят могилу три раза посолонь. По возвращении с кладбища во дворе покойного зажигают березовую кору, и каждый для очищения перешагивает через нее [21]. Очищаются. Мытье рук символизирует смывание следов контакта с миром мертвых. После приступают к поминальной трапезе. Предбайкальские буряты делают поминки на 3-й, 9-й и 40-й день, отмечают годовщину.

Погребальная обрядность ольхонских бурят достаточно подробно изучена автором статьи [22]. Считаем возможным привести здесь некоторые данные из опубликованной работы о современной погребальной обрядности. У бурят, проживающих на о. Ольхон и в Приольхонье, по полевым материалам 1998 г., существовало несколько способов захоронения в зависимости от возраста умершего. Молодых людей до 40-50 лет хоронили в земле. Новорожденных оставляли на земле. Людей старше 50 лет подвергали обряду кремации. Современный обряд трупосожжения (*сэлмэдэг, сэлмэг хэхэ*) является, со слов информанта А.А. Борсоевой из с. Харанцы, наиболее предпочтительным для пожилых жителей острова и материковой части региона: захороненный в земле страдает от тяжести земли и отсутствия солнца и света. При обряде *сэлмэдэг* душа покойника вместе с дымом летит, подобно ветру или птице, «навстречу тысяче лет». На о. Ольхон у каждого рода имеются специальные места для погребения. Представители рода *нарбят* провожают умерших в местности Тайбан бууса, рода *сэгэнут* — в местности Уляабар, рода *галзут* — в Саса, рода *шоно* — в Бошхур. Такая же ситуация на материковой части Ольхона. В с. Шара Тогот, так же как и в других селах, каждый род имеет отдельные места захоронений, и производятся они там, где похоронены их деды. Здесь ездят в шесть мест. У жителей с. Сарма два родовых кладбища, а у населения с. Курма, Анга и др. — свое отдельное место. Эти своеобразные кладбища располагаются в лесу, на вершинах высоких гор. Женщин на родовом кладбище хоронят отдельно от мужчин, располагая их места на уровень ниже [22, с. 289-290].

У ольхонских бурят человек перед своей

смертью назначает близкого родственника быть главным распорядителем на похоронах и изъявляет последнюю волю о собственном погребении. Покойника одевают в лучшую одежду, желательную новую, обычно демисезонную (шапка, шарф, пальто, сапоги, перчатки и т. д.), независимо от времени года, когда человек ушел из жизни. Каждый человек преклонного возраста старается приготовить достойную погребальную одежду заранее, хотя считается, что в той, потусторонней жизни каждый ходит в том, в чем ходил в этой, повседневной жизни. Есть и другое мнение, согласно которому душа человека на том свете ходит в той одежде, в какой он был похоронен, ест ту пищу, которую ему дали с собой, и ездит на том самом коне, на котором его похоронили. Эта одежда там никогда не изнашивается, а пища не истощается, поэтому буряты стараются, чтобы душа явилась на тот свет в приличном виде и угостила всех своих родных, соседей, знакомых, которые умерли раньше [22, с. 290-291].

Как видно, в погребальной обрядности рассмотренных групп предбайкальских бурят, несмотря на способ погребения, прослеживается много общего. Заметно, что мертвого человека отправляют в мир иной для последующего перехода в потусторонний мир. Известно, что в погребальном обряде путь умершего не заканчивается на кладбище, ему предстоит долгий путь на тот свет. Могила является, с этой точки зрения, неким входом, местом, где возможен контакт между живыми и мертвыми. Захоронение покойника на кладбище означает, кроме всего прочего, восстановление однородности мира живых и, следовательно, восстановление нормальной структуры мира вообще: мертвые находятся среди мертвых, а живые — среди живых, умерший переводится в разряд предков [6, с. 115, 117].

Похороны являются одним из семейных обрядов, объединяющих в наше время людей не только родственными, свойскими, но и соседскими, товарищескими и служебными отношениями. Здесь производятся ритуалы, выполняющие функции постоянного воспроизводства общей культурной памяти и картины мира в обществе. А.К. Байбурун совершенно верно определяет, что в обряде

участвуют все группы общества, максимально сплоченные, в предельно четко очерченных (проявленных) формах [6, с. 31]. Важной для межпоколенной трансляции традиционных обычаев и обрядов в погребально-поминальной обрядности современных предбайкальских бурят является традиция участия людей обоего пола, среднего и пожилого возраста, подростков, молодежи в соответствии с родственными и другими связями с умершим. Присутствие человека, не связанного с ним каким-либо отношением, считается не только неэтичным, но расценивается как поступок, навлекающий на него и его родных беду [23].

После смерти человека в доме покойного, как правило, собираются родственники, приходят соседи, сослуживцы, друзья, знакомые. Обряд, связанный с подготовкой к похоронам, начинается с брызганья распорядителем водки в нижний мир для создания контакта с ним. Похоронные обряды направлены на удаление покойника и вместе с ним самой смерти из мира живых, на перевод случайного, индивидуального события в разряд закономерного и типичного, на преобразование события «природного» плана в контролируемое «культурное» [6, с. 117]. Их организация регламентирована, распределение обязанностей происходит в зависимости от принадлежности к той или иной группе близких людей, от пола и возраста человека. Полоролевые функции участников похорон соблюдаются строго. Здесь существует традиционное разделение мужского и женского участия, обязанности старшего и молодого поколения. Это обусловлено сакральностью самого погребального обряда, требующего аккуратного, осторожного подхода к его реализации.

М.В. Хандагурова считает, что участники похорон составляют группы родных покойника и его родственников по отцовской линии, родственников по женской линии, дальних родственников по обеим линиям. Отдельную группу составляют те, кто не имеет с ним связи родства. Первая группа — мужчины, главы семей и их дети, связанные происхождением от одного предка, а также женщины, пришедшие в патронимическую группу мужа, т. е. родственники по отцовской линии. Они представляют ассоцииро-

ванных членов основной нуклеарной группы [23].

По древнеримскому праву такой подход назвали бы определением агнатического и когнатического родства. Не вдаваясь в дебри юриспруденции, следует отметить, что, судя по всему, у бурят существовала изустная традиция ведения, как назвали бы сейчас, очередности степени родства. Существующий порядок исчисления степени родства у бурят может быть сопоставим с современными юридическими правилами определения очередности наследования по степени родства. Мы приведем их здесь для лучшего понимания рассматриваемой темы, хотя в нашем случае нет задачи изучения распределения наследства.

Первая очередь — муж, жена, дети, мать и отец наследодателя. Вторая очередь — полнородные сестры, братья, неполнородные сестры, братья, бабушка, дедушка. Причем право на наследство в равной степени имеют бабушки и дедушки по матери и по отцу. Третья очередь — дяди, тети, а также двоюродные братья, сестры наследодателя. Четвертая очередь — прадедушки и прабабушки наследодателя. Пятая очередь — двоюродные внуки, бабушки, дедушки, внучки. Шестая очередь — дети двоюродных внуков и внучков. Также в данную степень очередности входят двоюродные племянники, племянницы, дяди, тети. Седьмая очередь предусматривает таких наследников, как пасынки, падчерицы. Кроме них наследство могут получить отчим, мачеха. Восьмая очередь — иждивенцы. Они могут не иметь кровного родства, главное, чтобы они минимум год находились на обеспечении покойного [24].

Этот сравнительный материал показывает, что подобный учет степени родства является типичным для народов мира в разные исторические эпохи как своеобразный социальный регулятор, необходимый для существования этноса и социума.

Буряты знали свою родословную и передавали ее следующим поколениям в устной форме, а позднее в записях. Это знание позволяет наряду с другим его практическим

применением правильно распределять роли участников погребальной обрядности. Старший человек семьи, клана или рода, реальный знаток родственной иерархии, распределяет задания для организации ритуала. В последние десятилетия, начиная с 1980-х гг., для бурят снова становится важным для проведения различных семейных обрядов знание родовой принадлежности, патрилинейного и матрилинейного родства. Активно восстанавливаются или заново создаются генеалогии, письменно закрепляющие родственные связи.

Практика традиции записанных патрилинейных генеалогий зафиксирована С.Г. Жамбаловой в с. Хохорск и Бохан Боханского района, в Ольхонском районе Иркутской области, в Иволгинском и Селенгинском районах РБ. На основании этих материалов написана статья о сохранении и возрождении генеалогической традиции у бурят [25]. Знание генеалогии семьи и рода имеет важное практическое значение для осуществления обрядовой жизни. Построение моделей структурного типа дает возможность систематизации мифопоэтического сознания бурят, одним из этапов которого является создание мифологического генеалогического древа, также логически выстраивающегося из образа Мирового древа. Это обусловлено тем, что этот образ соотнесен с общей моделью брачных отношений и с преемственной связью поколений, генеалогией рода в целом. Полевые материалы позволили увидеть точки соприкосновения мифологических родословных с фамильными. Безусловно, в этом обнаруживается традиционная система составления семейных генеалогий, базирующаяся на представлениях мифопоэтического характера с включением земных людей — раньше мужского, теперь обоего пола [25, с. 69, 71].

М.В. Хандагуровой выявлены материалы об участии в похоронах взрослых семейных людей, как родственников, так друзей и сослуживцев. Присутствие на похоронах семейных близких родственников старше 35–40 лет обязательно, их отсутствие расценивается как игнорирование родства. На дальних родственниках этой возрастной группы правило не распространяется. Также обязательно присутствие людей, связанных дру-

жескими и профессиональными связями не только с умершим, но и с его родными. Отсутствие этой категории людей расценивается как нарушение дружеских связей. Предбайкальские буряты считают, что покойник все видит, поэтому тех, кто не пришел, может наказать. В то же время существует диаметрально противоположное правило для семейных людей младше 35 лет. Для них частое хождение на похороны нежелательно и греховно — можно навлечь беду на свою семью. Иногда здесь усматривают косвенное напоминание о краткости жизни человека. Считается также, что при частом посещении похорон человек может «показаться», «обнаружить себя» перед существами иного мира, которые захотят его забрать [23].

В данном материале наблюдается наслоение нескольких стадияльно разных представлений. Ценность выявленных традиций в том, что они направлены на выживание, сохранение и воспроизводство семьи, рода, общины путем укрепления внутренних семейно-родственных связей и охраны здоровья. Думается, что возраст 35–40 лет может быть чуть откорректирован в сторону увеличения. Возрастная градация группы, которой обязательно нужно ходить на похороны, и другой, которой следует ограничить присутствие на обряде, на наш взгляд, обусловлена возможностью к биологической репродуктивности. Люди репродуктивного возраста должны избегать присутствия на похоронах как наиболее оберегаемая часть социума. В материалах об обязательности присутствия не только родственников, но и друзей и коллег слышатся отголоски советской традиции коллективизма, в немалой степени укоренившейся в погребальной обрядности народов СССР.

У предбайкальских бурят погребальные обряды и ритуалы делятся на две части: открытые для всех присутствующих и доступные близким родственникам. В соответствии с этим составляются две группы: одна участвует во всех обрядах, другая допускается только к некоторым из них. Группа родственников имеет еще одну градацию — члены клана реализуют участие в составе подгруппы в соответствии со своими родственными отношениями и половозрастными

данными. Открытыми для всех являются следующие обряды до и в день похорон. После смерти в доме умершего, наряду с близкими родственниками, соседи, знакомые, сослуживцы и др. участвуют в ритуале угощения покойника у гроба. В рассказе С.Б. Болхосоева этот обряд называется процессом поминовения путем брызганья водки с ориентацией в нижний мир. В день похорон это участие в похоронной процессии, трехкратное бросание горсти земли в могилу, участие в поминальной трапезе на кладбище, затем трехкратный обход могилы против часовой стрелки. Участники похорон не должны оглядываться в пути, а по возвращении все очищаются у костра, умываются. Во время поминальной трапезы в доме покойного каждый сначала бросает на пол частички пищи, капают водку, затем приступают к еде. По дороге к месту погребения участники процессии угощают духов — хозяев «бариса» [23].

Сведения о возрастной и социальной градации общества содержатся в наблюдении М.В. Хандагуровой о порядке подношения угощения покойному. Обычно подносились, как указывалось выше, поллитровая бутылка спиртного, чаще молочная водка домашней выгонки. Подношение, помимо семейных, имеют право принести от своего имени неженатые люди старше тридцати лет. Этот ритуал обязателен для незамужних женщин, имеющих внебрачных детей, даже если они проживают совместно с родителями. Женщина старше 40 лет имела право угощать покойника из открытой распорядителем своей бутылки и даже обращаться к покойнику, в то время как замужняя совершает угощение после своего мужа [23]. Эти важные факты свидетельствуют о наличии механизмов искусственного включения одиноких людей в возрастную группу самостоятельных хозяев.

Как отмечено в приведенных полевых материалах, только мужчины от имени покойника, сидя у его изголовья, распоряжаются распитием. А каждый вошедший мужчина распечатывает бутылку водки, наливает в поданную рюмку, капают вниз, выпивает остаток, наполняет рюмку и подает жене, затем своим детям, если они пришли с ним. Остаток алкоголя передает сидящему у из-

головья покойного, тот ставит ее на стол, где скапливается общее угощение покойному, которое ставится на поминальный стол. Мужчины до 40 лет производят угощение молча. Мужчины постарше шепотом обращаются к покойнику, просят, чтобы перестал есть с земли, ушел к отцу, к матери, в вечность, ушел без обиды, угостившись спиртным и едой. Мужчины подготавливают могильную яму, гроб, надмогильную тумбу, оградки, производят забой скота для поминальной трапезы, укладывают тело в гроб, выносят и доставляют его на кладбище, производят захоронение и устанавливают надмогильные сооружения.

Однако существует регламентация их участия в этих работах. В настоящее время у усть-ордынских бурят близкородственный мужчина старше 45 лет находится рядом во время агонии и первым дотрагивается до трупа. По его распоряжению производятся действия, сопутствующие объявлению о смерти и покойнике в доме: снимают заслонки в трубе печи, останавливают часы, закрывают зеркала, отворяют двери дома и ворот. Близкие родственники мужского пола организуют похороны.

Родственники покойного по женской линии, живущие в других поселениях, приезжают на третий день, к выносу тела, и участвуют в этом и в доставке на кладбище, где закапывают яму и сооружают надмогильный холм. В поминальном застолье мужчине постарше из этой группы дают слово, с поминком они уезжают первыми. Приезжают на 40-й день и в годовщину и участвуют только в поминальной трапезе [23]. Как видно, их участие в погребально-поминальном обряде ограничено. В некоторых приведенных обычаях прослеживается, на наш взгляд, влияние русской погребальной обрядности.

Существует ряд работ, запретных для близких родственников. Их делают люди, не состоящие в родстве с покойником. Старики и старухи данного рода, не состоящие с покойным в родстве, обмывают тело — ближайшие родственники стараются не прикасаться к нему [11]. Покойниц обмывают женщины, покойников — мужчины. Моют теплой водой, тряпкой, начиная с головы, затем вытирают сухой тканью [26]. Как известно, обмывание — один из важных в со-

циальном плане моментов перевода покойника в мир неживых. Запрет в отношении обмывания родственниками обусловлен представлением о том, что оно «направлено на уничтожение признаков, качеств, свойств живым людям». Последнее омовение — ритуальное действие, смывающее жизненную «ауру» человека, он лишается последних признаков принадлежности к живым [6, с. 107]. Конечно, близкие родственники не могут взять на себя такую функцию.

У усть-ордынских бурят обмывание покойника делают старухи, невестки умершего, жена брата отца, брата, т. е. кровные представители другого рода или клана. Две-три женщины не спеша снимают одежду, обмывают по очереди, сменяя друг друга, затем неторопливо одевают, рассказывая покойному, что они готовят его в дальнюю дорогу, что он чисто вымыт и одет в лучшую одежду. После приступают к шитью постели для умершего, которая состоит из маленькой подушки и тонкой подстилки. Шьют без узлов. Застылают гроб постелью. Когда тело переложат в гроб, одна женщина начинает также неспешно класть в карманы одежды и в гроб личные предметы умершего и еду, перечисляя, что кладут, наказывая, чтобы он поделился с теми, кто будет его встречать там. Эти старухи остаются в доме умершего, чтоб подмести полы после того, как похоронная процессия выедет за край села. В конце поминальной трапезы их одаривают платками. Они посещают поминки на 40-й день и в годовщину [23].

Могилу копают посторонние люди. Один из родственников покойного идет к мужчинам села и просит помощи, выражаясь в иносказательной форме — сможет ли человек поехать с ним в поле? Для копки могилы, которые располагают на кладбище в определенном порядке, выезжают от дома покойного под руководством родственника. Он определяет место могилы, «выкупает» землю, угощает местных хозяев: разводит огонь, капают спиртное, кидает кусочки пищи. Мужчины приступают к работе. Возвращаются вместе в дом покойного, где их кормят. Если нужно копать и на следующий день, то просят помочь уже других мужчин села. Нередко просят помочь парней, состоящих с умершим в родстве по женской

линии или не имеющих с ним родства, как правило, уже самостоятельно работающих. Во время работы парни усваивают правила, запреты, ритуальные действия, связанные с подготовкой могилы. Яму копают по очереди, по одному, сменяя друг друга. Пока один копает, другие сидят у огня рядом с родственником покойного. Согласно правилам похоронной обрядности участник подготовительных мероприятий должен непременно присутствовать если не на похоронах, то в поминальном застолье в доме умершего. В застолье он угощается спиртным и пищей, как все взрослые участники [23].

Важные материалы о роли детей в траурном мероприятии предоставляет М.В. Хандагурова. У усть-ордынских бурят детей дошкольного возраста изолируют от похорон — их отправляют к родственникам на все дни траура, мотивируя тем, что дети пугаются большого скопления людей и будут без нужного присмотра. Исследователь приводит интересные факты: предбайкальские буряты предполагают, что дети могут контактировать с миром мертвых. Дети, особенно до 2–3 лет, способны видеть и чувствовать представителей иного мира, которые для них опасны из-за их уязвимости, открытости. Дети обладают способностью быть вестниками иного мира, поэтому считается плохим знаком видеть во сне ребенка — это к болезни, а если приснится рождение младенца, то это знак близкой смерти. Нередко старые люди, чтобы выяснить, как долго осталось им жить, задают детям вопросы в шуточной форме об их отношении к ним. Хорошо, если ребенок проявляет привязанность, значит, смерть наступит еще не скоро. Плохо, если ребенок выказывает отчуждение, страх, боязливость — это значит, он предчувствует приближение смерти [23].

Дети дошкольного возраста, проживающие в данном поселении и не имеющие родства с покойным, в дни траура соблюдают ряд запретов: не проводят многолюдные игры и не собираются вблизи дома умершего, обходят стороной его дом, вечером раньше обычного возвращаются домой. Им запрещают ссориться, а с наступлением темноты — громко называть людей по имени, плакать, разговаривать. Дети старше 10–12 лет обычно заняты повседневными делами, но обязаны избегать мно-

голюдных сборищ и веселых шумных игр. В день похорон им нельзя отлучаться далеко от дома и ходить по проезжей части. Похоронную процессию они могут наблюдать издалека, например, из дома или со двора. Дети должны быть сдержанными, тихими и молчаливыми, более старательно присматривать за младшими. Таким опосредованным образом они соучаствуют в похоронно-поминальных обрядах и получают некоторые знания о поведении в дни траура [23].

Важным для существования этноса, сохранения его во времени является развитие общинно-родовых отношений. В этом плане погребальная обрядность наиболее способствует углублению родственных отношений. Здесь реализуется межпоколенная передача традиционных знаний, важный механизм существования этноса. Сообщение ребенку о смерти родственника сопровождается рассказами о степени родства с ним. В случае смерти одного из родителей детям рассказывают о степени родства и свойстве присутствующих на похоронах. Так проходит обучение детей ориентированию в цепочке родственных связей, в их иерархии. Факты о степени дозирования участия детей в погребении связаны также со степенью родства. На похоронах собственных родителей дети наиболее приобщены к обрядам, следующая степень причастности — похороны близких родственников (дядя, тетя, дедушка, бабушка).

В дни траура дети покойного находятся под опекой взрослых. Им запрещено заходить в комнату, где обмывают и одевают покойника. Умершего родителя показывают уже обмытым, одетым, лежащим в гробу. До выноса детей не раз подводят к гробу. Близкий родственник, держа ребенка за руку или обнимая, показывает, как нужно угощать покойного. Дети близких родственников подходят к покойнику вместе со своими родителями. Продолжительный плач взрослых расценивается как безжалостное отношение к детям. На следующее утро после похорон дети покойного должны угощаться за столом, накрытым для покойника на ночь. Участие в этой трапезе является для них наиболее обязательным из всего поминального цикла. Интересными являются зафиксированные факты о том, что дети, участвующие

в похоронной процессии, находятся в составе групп своих родителей. С поминок они уходят вместе с родителями, в дороге участвуют наравне со взрослыми в обряде угощения местных духов-хозяев [23].

М.В. Хандагурова приводит материалы об участии в погребальной обрядности современных предбайкальских бурят детей 12 лет. Интуитивно выделяя эту группу вслед за имеющимся материалом, она не решается внести их в группу совершеннолетних. В соответствии с возрастной градацией современного общества это подростки, дети. На самом деле, эти ценные материалы свидетельствуют о реминисценциях возрастных классов у предбайкальских бурят, о сохранении архаических представлений до начала XXI в. и верифицируют гипотезу С.Г. Жамбаловой о возрастных классах, выявленных ею при изучении традиционной охоты бурят [27, с. 107-108, 151].

М.В. Хандагурова собрала достоверный материал, который подтверждает, что дети старше 10–12 лет «находятся рядом со взрослыми», что свидетельствует о том, что они по праву занимают это место. Она пишет, имея в виду подростков 12 лет: «По их под сказке и подражая им, дети совершают на кладбище ритуальные действия, выполняемые всеми участниками похорон. Тот из детей покойника, кто не участвовал в похоронах, обязательно выезжает на кладбище позже, в один из поминальных дней. Причем, это правило строже соблюдается в отношении детей старше 12 лет. Детей этого возраста усаживают за поминальный стол наряду со взрослыми. Они, испробовав кисель и блины, почти сразу же выходят из-за стола. Тем, что помладше, подают со стола сладости, кисель. Иногда всех присутствующих детей просто кормят в другом помещении. Но перед принятием пищи они, как и участники застолья, отделяют от нее частичку, бросая и капая на пол. <...> Дети старше 12 лет участвуют в похоронных обрядах, если умерший обучался с ними в одном классе или является родителем одноклассника. Одноклассники приходят на третий день. Они приносят венок и стоят у гроба. После этого некоторые уходят до выноса тела и не принимают участия в последующих обрядах. Другие же участвуют в похоронах и в поми-

нальном застолье описанным выше образом. Нередко детей старше 12 лет брали на похороны в другое село. 12-летние подростки имеют право находиться у гроба, если у них умер кто-то из родителей, все время бдения, наравне со взрослыми» [23].

Это важное свидетельство того, что 12-летие действительно является возрастом вступления в совершеннолетие, которое выявлено С.Г. Жамбаловой ранее на других материалах [27, с. 107-108]. Поэтому можно считать, что в погребальной обрядности предбайкальских бурят могут принимать участие только взрослые люди — у бурят совершеннолетие наступало в 12 лет. Введение теоретического обоснования возможности активного привлечения подростков к погребальной обрядности у предбайкальских бурят разрешает сомнения исследователя, который считает, что с одной стороны участие детей в целом нежелательно, но в то же время обязательно для некоторых из них. Видимо, участие нежелательно для детей до 12 лет.

Приведенные материалы выявляют в погребальной обрядности предбайкальских бурят постсоветского времени сохранение в глубокой степени традиционных ритуалов, связанных с шаманистской картиной мира, на которые наслонились небольшие напластования русских и советских похоронных обрядов.

Литература

1. Жамбалова С.Г. Этнический парадокс у бурят // Мир Центральной Азии: сб. науч. ст. Улан-Удэ; Иркутск: Отгиск, 2012. № 3. С. 123-126.
2. Ванчикова Ц.П., Чимитдоржин Д.Г. История буддизма в Бурятии: 1945 – 2000. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 136 с.
3. О погребении и похоронном деле: федер. закон от 12 янв. 1996 г. № 8-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://memo24.ru/info/article/436> (дата обращения: 13.10.2015).
4. О погребении и похоронном деле: федер. закон с изм. на 6 апр. 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9015335> (дата обращения: 13.10.2015).
5. Бамбаев Б.Б. Описание погребального обряда и его происхождение // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф.11. О. 1. Д. 13. Л. 81.

6. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. 238 с.
7. Полевые материалы: информант (ПМИ) Дарнаева З.Н., 1932 г. р., с. Ранжурово, Кабанский р-н, Республика Бурятия.
8. ПМИ Будаева Д.А., 1935 г.р., с. Ранжурово, Кабанский р-н, Республика Бурятия.
9. ПМИ Унхеев П.Н., 1952 г.р., с. Ранжурово, Кабанский р-н, Республика Бурятия.
10. ПМИ Пинтаев И.И., 1932 г.р., с. Корсаково, Кабанский р-н, Республика Бурятия.
11. ПМИ Савельева Т.У., 1933 г.р., с. Хандала, Кабанский район, Республика Бурятия.
12. ПМИ Дарибазаров Д.Д., 1951 г. р., с. Загустай, Кижингинский р-н Республика Бурятия.
13. Хандагурова М.В. Погребальная обрядность усть-ордынских бурят // Исследования молодых ученых в области археологии и этнографии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнологии СО РАН, 2001. С. 218-230.
14. ПМИ Коменданова Г.Р., 1956 г.р., с. Корсаково, Кабанский р-н Республики Бурятия.
15. ПМИ Чимитова Ч.Ш., 1936 г. р., с. Ульдурга, Еравнинский район Республика Бурятия.
16. ПМИ Жамьянова Т.Д., 1955 г.р., с. Хохорск, Боханский р-н Иркутской области.
17. ПМИ Харандаев Б.А., 1949 г.р., пос. Бохан, Боханский р-н Иркутской области.
18. ПМИ Содномов П.Н., 1945 г.р., род галзут, с. Баянгол, Кижингинский р-н Республика Бурятия.
19. ПМИ Башинов А. П., 1942 г.р., с. Ирхидей, Осинский р-н Иркутской области.
20. ПМИ Мындускин И. П., 1930 г.р., с. Ханда-ла, Кабанский р-н Республика Бурятия.
21. ПМИ Кукшинов С. В., 1969 г.р., с. Корсаково, Кабанский р-н Республика Бурятия.
22. Жамбалова С.Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX - XX вв.). Новосибирск, 2000. 400 с.
23. Хандагурова М.В. Участники погребально-поминальных обрядов усть-ордынских бурят: описание состава и ролевые функции. [Электронный ресурс]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/turov/11.html (дата обращения: 30.04.2016).
24. Степень родства при наследовании [Электронный ресурс]. URL: <http://yurist-otvet.ru>. (дата обращения: 03.05.2016).
25. Жамбалова С.Г. Сохранение и возрождение генеалогической традиции у бурят // Мир Центральной Азии: сб. науч. ст. Улан-Удэ, 2008. № 2. С. 68-76.
26. ПМИ Жабаева К.Е., 1938 г.р., с. Хохорск, Боханский р-н Иркутской области.
27. Жамбалова С.Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск: Наука, 1991. 175 с.

УДК 371.1

Повседневная жизнь сельских учителей Приангарья в послевоенные годы

С.В. Ковригина

Братский государственный университет, ул. Макаренко 40, Братск, Россия
sarapylova@bk.ru

Статья поступила 27.04.2016, принята 15.06.2016

Рассматривается повседневная жизнь сельских учителей Приангарья в 1945–1953 гг. Показана роль государства в осуществлении образовательной политики и ее влияние на увеличение рабочего времени педагогов. Уделяется внимание проблемам материально-технического обеспечения труда учителей. Значительное место отведено исследованию бытовых проблем ангарских педагогов. Раскрывается специфика региона и ее влияние на жизненные стратегии сельской интеллигенции в категориях «работа» и «быт».

Ключевые слова: повседневность; устная история; послевоенный период; школьное образование; Приангарье; Сибирь; учителя.